

I. БЛИЖНИЙ ВОСТОКЪ. *)

(Изъ поѣздки въ Святую Землю, Египетъ и Грецію учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній гор. Саратова).

Намъ было разрѣшено ходить и сидѣть всюду; мы воспользовались этимъ и стали заниматься каждый своимъ дѣломъ. Такъ и прошелъ у насъ этотъ день. Легли спать мы довольно рано въ радостномъ ожиданіи, что на слѣдующій день въ 11 часовъ утра мы отплываемъ въ Царьградъ. Еще съ утра этого дня, 14 іюня. Михаилъ Ивановичъ Осиповъ пришелъ на пароходъ, чтобы посмотрѣть какъ мы размѣстились и проститься съ нами. Часовая стрѣлка показывала 10¹/₂ ч. утра, когда раздался первый свистокъ. Михаилъ Ивановичъ распрощался съ нами, пожелалъ намъ счастливаго пути и подарилъ каждому изъ насъ по экземпляру Евангелія; потомъ онъ сошелъ на берегъ и скрылся. Мы за эти дни привыкли къ своему добрѣйшему, предупредительнѣйшему и готовому для нашихъ удобствъ на все Михаилу Ивановичу и намъ было жаль растаться съ нимъ. Отъ души пожелали мы доброму и неизмѣнному нашему спутнику всего наилучшаго. Едва ушелъ отъ насъ Михаилъ Ивановичъ, какъ раздался второй свистокъ. Мы все высыпали на палубу. Грузчики уже кончили свое дѣло, и нашъ пароходъ стоялъ, тихо покачиваясь. На набережной было довольно много публики. Нѣкоторые одесситы пришли посмотрѣть на насъ, узнавъ о нашемъ дальнемъ путешествіи и времени отплытія изъ Одессы. Среди другихъ стояли иноки Андреевскаго и Пантелеймонскаго подворій, ласково прощались съ нами, напутствуя насъ лучшими пожеланіями. Едва ли ктонибудь изъ насъ когда либо забудетъ этихъ простыхъ, но полныхъ искренней любви, людей, столь много послужившихъ намъ и оказавшихъ намъ чисто родственное расположеніе. Да хранитъ Господь на многая лѣта этихъ скромныхъ служителей любви христіанской!

Раздался третій свистокъ. Все вдругъ засуетилось. Затрещала машина, тянущая якорь вверхъ, забѣгали матросы, отцѣпляя канаты и снимая мостки. Капитанъ показался на мостикѣ и телеграфировалъ въ машинное отдѣленіе: „тихий ходъ назадъ!“ Медленно отступили мы отъ берега, пятясь назадъ; казалось, что не мы, а берегъ и люди отходятъ отъ насъ все дальше и дальше. Капитанъ телеграфировалъ „средній ходъ впередъ“; пароходъ нашъ сталъ повертывать, и, лавируя между другими пароходами, отходилъ отъ Одессы. Сбоку насъ бѣжалъ, выбиваясь изъ силъ, маленькій катеръ; на немъ стоялъ нашъ дорогой, добрѣйшій Михаилъ Ивановичъ, махая намъ платкомъ. Но когда, около маяка, корабль пошелъ полнымъ ходомъ, катеръ не могъ далѣе гнаться за нами. Мы видѣли, какъ Михаилъ Ивановичъ въ послѣдній разъ махнулъ платкомъ, какъ онъ отдалъ какое то приказаніе рулевому и сталъ быстро отъ насъ удаляться. По мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ Одессы, расширялся и развѣтывался красивый видъ на нее. Вся набережная утопала въ зелени садовъ. Храмы блестяли своими куполами; едва слышно доносился

*) Продолженіе, см. № 49 „С. Д. В.“

колокольный звонъ. Все дальше уносились мы, все меньше и меньше становились предметы и наконецъ все скрылось. Прощай Одесса, прощай дорогая ролина, прощай Россія! Надѣмся вернуться къ тебѣ здоровыми и благополучными. Прости! Счастливо оставаться!..

Отъ Одессы до Константинополя и Константинополь.

Дальше и дальше плывемъ мы по Черному морю. Миновали уже Змѣиный островъ. Свѣтло-зелеными кажутся воды Чернаго моря. По сторонамъ корабля все время бѣгутъ огромныя зеленныя волны, увѣнчанныя бѣлымъ гребнемъ пѣны. Это нашъ корабль рѣжетъ воды своимъ острымъ носомъ. Угрюмо море. На горизонтѣ сѣрыя непривѣтливныя тучи, закрывая солнце, сливаются съ сѣрымъ же непривѣтливимъ моремъ. Приблизился вечеръ. Мы сидимъ въ своемъ уютномъ трюмѣ и пьемъ чай. Вдругъ входитъ матросъ и начинаетъ закрывать иллюминаторы. Мы всполошились, догадываясь, что, вѣроятно, предстоитъ буря, или волненіе; но матросъ сказалъ, что, по всей вѣроятности, ничего не будетъ, хотя на горизонтѣ сильныя тучи: изъ предосторожности капитанъ велѣлъ приготовиться ко всякой случайности.

Большинство нашихъ вышло на палубу. Черныя огромныя тучи обложили горизонтъ, скрывая луну отъ нашихъ взоровъ. Синія молніи изрѣдка трепещутъ въ нихъ, ярко освѣщая зловѣщимъ свѣтомъ Черное море. Да, море теперь дѣйствительно Черное, это ужъ не зеленныя воды, по которымъ мы плыли днемъ, и не синія, которыя мы видѣли при купаньи. Это черныя, какъ чернила, воды съ рѣзко выдѣляющейся на нихъ бѣлой пѣной. Мы видѣли, какъ матросы обертывали желѣзную мачту брезентомъ. Очень похвальная предосторожность. Молнія легко можетъ ударить въ высокую желѣзную мачту, пройти по ней въ трюмъ, гдѣ нашъ корабль везетъ 170 бочекъ спирту; въ случаѣ удара молніи корабль неминуемо взлетитъ на воздухъ и погибнетъ въ пламени. Директоръ, думая, что будетъ качка, совѣтовалъ всемъ ложиться спать. Нѣкоторые ученики послѣдовали его совѣту, но нѣкоторые, зная, что не заснутъ, ушли читать, играть въ шахматы, а нѣкоторые болѣе любопытные и бывалые участники экскурсіи, отправились въ комнату старшаго механика, чтобы спросить разрѣшеніе осмотрѣть машинное отдѣленіе „Одессы“.

Получивъ разрѣшеніе, они прошли въ верхнее отдѣленіе машины. Здѣсь видны были только верхушки огромныхъ накаленныхъ котловъ. Нижнія части этихъ огромныхъ топокъ они увидѣли, когда по скользкой, крутой, выпачканной масломъ, желѣзной лѣстницѣ спустились ниже. Стукъ машины усилился. Любопытные путешественники проходили мимо огромныхъ, прыгающихъ въ дикой пляскѣ, какъ будто бѣшенныхъ стальныхъ поршней. Странное впечатлѣніе производили эти прыгающія, шумящія стальные чудовища. Жутко становилось при одной мысли о паденіи отсюда внизъ, прямо въ пасть этой шумящей машины. Боязливо проходили экскурсанты мимо поршней по скользкому полу, держась за перила. Облегченно вздохнули они,

пройдя по подмосткамъ съ обѣихъ сторонъ которыхъ бѣшено летали эти стальные блестящіе поршни. Вотъ все спустились въ самый нижній этажъ. туда, гдѣ эти огромные поршни вертятъ винтовой валъ. Теперь все находилось на двѣ сажени подъ водой. Здѣсь было помѣщеніе, наполненное машинами. Стукъ и громъ стояли невыносимые; 35 град. жары. Машинисты—смазчики безстрашно бѣгали между поршней и колесъ, подливая масло во все движущіяся мѣста. Прямо противъ лѣстницы на колоннахъ расположены манометры; ихъ было пять. Вотъ большой главный манометръ, показывающій давленіе въ котлахъ. Теперь онъ показываетъ 114 фунтовъ, т. е. около 8 атмосферъ. Остальные манометры измѣряютъ давленіе другихъ частей машины. Рядомъ съ манометромъ находятся рычаги для управленія пароходомъ. На шкалѣ, по которой передвигаются рычаги, стоятъ надписи вродѣ «стопъ», «паръ» и т. п. Надъ рычагами находится циферблатъ съ надписью въ срединѣ въверху «стопъ», вправо отъ этой надписи стоитъ „готовься“, «малый впередъ». «средній впередъ», „полный впередъ“, слѣва «готовься», «малый», «средній» и «полный» «назадъ». По циферблату движется стрѣлка, указывающая на какую нибудь изъ надписей. Это телеграфъ. Командиръ, находясь наверху на мостикѣ, можетъ переставить стрѣлку на циферблатѣ на какую угодно надпись. Тогда въ машинномъ отдѣленіи раздастся звонокъ, машинистъ смотритъ на циферблатъ и исполняетъ приказаніе командира. За телеграфомъ уже находятся части машины. Поршни, колеса разной величины, цѣпляясь другъ за друга, производятъ ужасный шумъ. Все движется, толкается, вертится. Экскурсанты проходятъ мимо всего этого, боясь попасть куда нибудь. Вотъ низкая дверь. Входятъ. Здѣсь помѣщеніе топockъ; 45 градусовъ жары. Воздухъ душный, раскаленный. Здѣсь кочегары только и спасаются тѣмъ, что сверху проведена труба для вентиляціи, иначе здѣсь невозможно было бы жить. Огромный красный огонь; раскаленное пламя, температура котораго весьма велика, рѣжетъ глаза, лижетъ раскаленные бока желѣзной топки, обращаетъ въ паръ громадную массу воды, помѣщающуюся надъ нимъ. Экскурсанты, не привыкшіе къ такому жару, скоро принуждены были покинуть этотъ адъ. 30-ти градусная температура машинной комнаты показалась имъ холодной послѣ этого пекла. Теперь они пошли по корридору къ кормѣ. Здѣсь, въ этомъ корридорѣ, вертится огромнѣйшій винтовой валъ. Онъ весь изъ литой стали; длина 15 сажень (47 арш.) Диаметръ 20 вершковъ, т. е. болѣе полутора аршина. Сколько можетъ вѣсить такая громада, объемъ которой $1\frac{1}{3}$ куб. сажени или 36 кубическихъ аршинъ! Машинистъ даже затруднился отвѣтить на этотъ вопросъ экскурсантамъ и развелъ руками, сказавъ, что даже приблизительно не можетъ опредѣлить вѣса этой гигантской массы. Этотъ валъ дѣлаетъ 73 оборота (шахшш) въ минуту. Посмотрѣвъ на эту громаду и посѣтивъ еще электрическое отдѣленіе съ двумя динамо—машинами экскурсанты выбрались на верхъ и облегченно вздохнули, выйдя на свѣжій воздухъ.

Было 12 ч. ночи, когда нѣкоторые изъ нашей группы,

не будучи въ состояніи заснуть при новой обстановкѣ, вышли на палубу.

Гдѣ же тучи, столь грозныя и непріязненныя въ концѣ дня? Гдѣ молнія? Гдѣ качка и волны? Туча прошла, молніи нѣтъ и помину, море улеглось. Высоко въ небо забрался узкій серебряный серпъ луны, но онъ не освѣщаетъ моря. Тысячи звѣздъ видны на небѣ, тысячи звѣздъ видны и въ морѣ. Границы нѣтъ, нельзя узнать, гдѣ кончается море и гдѣ начинается небо. Тихо кругомъ; только слышенъ глухой плескъ воды, да шаги вахтеннаго по капитанскому мостику. Все спитъ. Скоро и эти послѣдніе бодрствующіе изъ нашей кампаніи почувствовали желаніе уснуть; вошли въ свое помѣщеніе, нашли свои койки, наскоро раздѣлись, легли и, охваченные благодатнымъ морскимъ воздухомъ, тотчасъ же заснули.

Прошлывъ почти сутки по необъятному водному пространству, не видя вокругъ себя ничего, кромѣ воды, да вверху небеснаго свода, мы, наконецъ, сквозь дымку тумана начали различать какія то неясныя очертанія;—это показался намъ турецкій берегъ. Впервые многіе изъ насъ почувствовали, что родная Россія оказалась тамъ, позади, и черезъ нѣсколько часовъ мы очутимся среди новой, своеобразной и незнакомой восточной обстановки. Нашъ пароходъ постепенно подвигался впередъ. Силуэты суши вырисовывались яснѣе. Замѣтны отдѣльныя живописныя группы растений. Вдали показались остроколючныя кипарисы и точно раскрытыя зонтики—пины, или итальянскія сосны, собранныя кое гдѣ въ отдѣльныя живописныя группы по склонамъ горъ. Берегъ кажется мало заселеннымъ и необработаннымъ. Около самага моря идетъ довольно широкая полоса песковъ. Вотъ нашъ пароходъ мѣняетъ курсъ, поворачиваетъ немного влѣво. Тамъ вырисовывается на горизонтѣ какая то точка, это, какъ сказалъ бывший здѣсь пассажиръ,—такъ называемый Румелійскій маякъ. Расстояніе между нимъ и нашимъ пароходомъ постепенно уменьшается, точка, наконецъ, превращается въ высокій маякъ; на него то мы держимъ курсъ. Въ то же время на противоположномъ, такъ называемомъ Мало-Азіатскомъ берегу,—выросъ передъ нами другой маякъ, такъ называемый Анатолійскій. Берега замѣтно суживаются и издали блеститъ узкая полоса воды,—это показался Босфоръ. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ, когда пароходъ войдетъ въ этотъ узкій проливъ, соединяющій Черное и Мраморное моря.

(До слѣдующаго №—ра)

IV.

Пожертвованія.

Дворянинъ Александръ Васильевичъ Успенскій пожертвовалъ на наружный ремонтъ и отдѣлку Владбищенскаго храма въ г. Балашовѣ 100 руб.

Крестьянинъ Харитонъ Головинъ пожертвовалъ въ Троицкую церковь села Чернобулака, Вольскаго уѣзда, хоругви, евангеліе въ окладѣ, апостолъ и два священническихъ облаченія, всего на сумму 150 руб.